

**ОБРАЗЫ СПАРТАНСКИХ ГЕРОЕВ В ИКОНОГРАФИИ
НАДГРОБНЫХ ПАМЯТНИКОВ РИМСКИХ ВОИНОВ
В БАЛКАНО-ДУНАЙСКОМ РЕГИОНЕ
(ЭПОХА ПРИНЦИПАТА)**

А. В. Колобов
(Пермь)

Среди героев греческой мифологии, связанных с Лакедемоном, наиболее известны дочь Леды и Зевса – спартанская царевна Елена, ее братья – близнецы Кастор и Полидевк, а также ее супруг – Менелай, ставший вследствие брака с Еленой спартанским царем. Они, как известно из источников, пользовались немалой популярностью в античной Спарте. Известно о посвященным этим персонажам в Спарте святилищах (Theocr., XVIII; Paus., III, 14, 6; Plut., *De frat. amor.*, 1). Возможно, Елена и Менелай обладали не только статусом героев, но даже считались божествами¹.

Елена, Менелай и Диоскуры вошли в канву общеэллинской культурной традиции. Свою популярность они сохранили и в эллинистическую эпоху.

В античном искусстве римского периода образы вышеназванных героев получают широкое распространение во II–III вв., то есть, в период «греческого возрождения». Любопытно, что они утверждаются не только в таких жанрах элитарного искусства, как скульптура, но и в иконографии надгробных памятников. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что изображения Елены, Менелая и Диоскуров

¹ Дискуссию и литературу по данному вопросу см.: Huxley G.L. Herodotos on Myth and Politics in Early Sparta//Proceedings of the Royal Irish Academy. Section C: Archaeology, Celtic Studies, History, Linguistics, Literature. Dublin, 1983. Vol. 83. С. № 1. Р. 9.

появились в это время на памятниках, связанных с римским военным присутствием в регионах, удаленных от центров античной цивилизации.

Весьма популярной в funerальной иконографии являлась аллегория смерти как похищения. Похищение Елены Парисом изображалось на надгробных памятниках во II – первой половине III в. На памятнике из паннонской Саварии (ныне – венгерский город Сомбатхей), который военный ветеран поставил своей супруге, показаны два эпизода из истории Елены и Париса: их знакомство и бегство в Трою². В Паннонию сюжет похищения Елены проник из Италии, где он встречается достаточно часто в иконографии надгробных памятников эпохи принципата. Через Паннонию, в свою очередь, он проник в Мезию. Тему «похищения» продолжали изображения на надгробных памятниках Меди, бегущей с Ясоном³, а также финикийской царевны Европы, увлекаемой воплотившимся в быка Зевсом-Юпитером⁴.

Из мезийского Виминация (ныне – сербский город Костолац) известен памятник, где связанный с Еленой сюжет проинтерпретирован в сотериологическом смысле: показана не более распространенная сцена бегства Елены с Парисом, а ее спасение, то есть встреча Елены с Менелаем у стен Трои⁵. Любопытно, что Менелай показан в снаряжении римского центуриона. Рядом с парой показана квадрига – колесница, запряженная в четверку лошадей. Данная сцена выражает надежду на встречу супругов в загробном мире. Этот памятник жена поставила своему мужу – ветерану, декуриону муниципия. Иконография «спасения» находила отражение также в образе Ифигении. Спасение приговоренной к жертвоприношению Ифигении показано на саркофаге, который заказал в начале IV в. для своей жены префект легиона VII Claudia⁶.

Если женским надгробиям более соответствовали темы «похищения» и «спасения», то мужским памятникам более приличествовал сюжет героической гибели. Мотив гибели героев, популярный в искусстве греческой классики, часто встречается на саркофагах, изготовленных в аттических мастерских во II–III вв. для экспорта в провинции Балкано-Дунайского региона, а также на стелах – более скромных

² Die roemische Steindenkmaler aus Savaria/Hrsg. A. Moczy, T. Szentleky. Budapest, 1971. N. 116.

³ Brunsmid J. Archeoloske biljeske iz Dalmacije i Pannonije//VHAD. 1901. № IV. S. 126. n. 88 (Belovar).

⁴ Sadurska A. Rzezby z nekropoli twierdzy legionowej Nowae (z wykopalisk polskich)//Balcanica Posnaniensia (Poznan). 1984. № 3. S. 252.

⁵ IMS II (Viminacium). P. 73 = Vulic N.//Spomenik. Srpska kraljevska akademija. 1931. № LXXI. Drugi razred. Vol. 55. S. 128.

⁶ CIL III 13806 = IMS II (Viminacium). N. 99.

памятниках, исполненных местными мастерами. Так, на ветеранском надгробии из Целейи (восточноальпийская провинция Норик, Целейя – ныне словенский город Целье) показан Менелай, выносящий тело павшего Патрокла из битвы⁷.

Оставив вне поля зрения иконографию Диоскуров и обращенные к ним посвящения в связи с культом Юпитера Долихенского, мы остановимся исключительно на связанных с ними изображениях на воинских надгробных памятниках. Один из них, выдающийся по художественному оформлению, происходит из столицы Верхней Мезии Виминация и принадлежит человеку с необычной карьерой⁸. Этот памятник супруга-вольноотпущенница поставила своему мужу, который прошел путь от рядового до префекта вспомогательной когорты I *Aquitanorum*, стал, соответственно, римским всадником, и при этом являлся (очевидно, во время службы) декурионом муниципия Виминация. Памятник является кенотафом, поскольку его адресат, как указано в надписи, погиб во время британской экспедиции.

Над текстом изображен сюжет похищения Персефоны. Плутон со скипетром в правой руке увозит девушку на колеснице, властно обхватив ее другой рукой за талию. Меркурий с кадуцеем и крылатом шлеме держит лошадей под уздцы и наступает на змею – хтоническое животное. В стороне в полном облачении безучастно стоит Минерва. По мнению первого исследователя данного памятника Й. Бруншмида, трактовка популярного мифа из Элевсинских мистерий выдержана в орфическом духе, в соответствии с трактовкой Эврипида⁹.

Ниже поля с текстом эпитафии показан сюжет похищения Европы, а также – по бокам от него – братья Диоскуры. Если похищенная Европа символизировала горечь утраты, то Диоскуры, которые обозначали также две небесные полусферы, воплощают здесь вечный круговорот времени. Изображение Персефоны вместе с Диоскурами, как полагает М. Миркович, придает ему сотериологический смысл.

Й. Бруншмид полагал, что памятник относится к периоду правления Адриана, когда изображение на надгробных памятниках сцен из классической мифологии вошло в моду¹⁰. Более вероятной представляется предложенная М. Миркович датировка его периодом правления династии Северов¹¹.

Диоскуры также изображены на одном из так называемых аттических саркофагов, популярных среди городской аристократии про-

⁷ CIL III 11703 = *Kolsek V. Celeia. Steindenkmaler. Ljubljana, 1967. N. 66.*

⁸ *Brunsmid J. Nadgrobni spomenik M. Valerija Sperata iz Viminacija/VHAD. 1896. № 1. S. 2-12; IMS II (Viminacium). P. 110.*

⁹ *Brunsmid J. Op. cit. S. 2.*

¹⁰ *Ibid. S. 5.*

¹¹ *IMS II (Viminacium). P. 110.*

винции Далмации в сер. II – сер. III вв.¹² В данном случае показана сцена охоты на калидонского вепря, в которой помимо Диоскуров участвовали Мелеагр, Ясон, Тесей и др. Данный сюжет привлекал не только демонстрацией *virtus* – доблести героев, убивших опасного зверя. Через миф о калидонской охоте красной нитью проходит идея о неумолимости рока. Как известно, спор из-за трофея после удачного завершения охоты привел к гибели Мелеагра, наиболее благородно показавшего себя во время конфликта. Тем самым, сюжет с калидонской охотой перекликается с популярной темой гибели героев.

Распространение иконографии Елены, Менелая и Диоскуров среди римских военных в Балкано-Дунайском регионе являлось, как нам кажется, не только отражением общей моды на «греческую классику». Конечно, отбрасывать значение этого фактора нельзя. Заказывая на надгробном памятнике изображения героев греческой мифологии, воины и ветераны римской армии стремились позиционировать себя как людей, принадлежащих к кругу античной цивилизации, то есть как настоящих римлян. Данный мотив был весьма актуален, если учесть то обстоятельство, что многие из солдат и даже офицеров императорской армии были в то время выходцами из среды провинциального, зачастую слабо романизованного населения.

Мне же хотелось бы отметить еще один аспект. Чем менее образованны и чем менее интегрированы в круг ценностей античной цивилизации были люди, поступавшие на службу в римскую армию, тем более привлекательны были для них персонажи героической мифологии, героизированные божества и т. д. Уместно напомнить о распространенности среди военных и обитателей лимитрофных провинций культов Геркулеса¹³, Митры¹⁴. Своеобразное милитаризованное общество, сложившееся на лимесе во II–III в., некоторыми чертами своего менталитета: маскулинизацией религиозной жизни, явным предпочтением в пользу воинственных и аристократичных божеств и героев, демонстративным этатизмом – напоминало спартанскую «общину равных» архаики и классического периодов.

¹² Archaeologische Museum in Split. Fuehrer. Split, 1990. S. 11.

¹³ См., например: Колобов А.В. Геркулес и римская армия ранней Империи// ПИФК. 2000. № 9. С. 40-46.

¹⁴ См., в частности: Колобов А.В. Римские легионы вне полей сражений. Пермь, 1999. С. 73-74.

Presentation of images of the «Spartan» heroes on the roman soldiers' tombstones in Balkan-danubian region (the early empire period)

A. V. Kolobov

Images of the Spartan heroes Helen, Menelaos, Castor and Pollux became popular in the Roman culture of Second – Third Centuries AD. They were spread not only in elitist genres of art (like sculpture) and in «mass» culture also. Images of Helen, Menelaos and Dioscures became the popular theme of funeral art not only in Italy and on Danubian limes also.

Appearance of these images on military tombstones was not only the reflection of fashion on «Hellenic classics». Choosing the «classic» themes for decoration of tombstones the Roman warriors tried to underline their attachment to the Roman civilization. It was very actual for them because majority of soldiers were the people of provincial and semi-barbarian origin. The study of the Roman military tombstones shows that soldiers with successful career and veterans with social state of decurion preferred «heroic» themes for tombstones more often. The specific «militarian» society that was formed on European limes in II–III Cent. AD. in some characters of their mentality – masculinization of religious life, domination of military and aristocratic deities and heroes, demonstrative etatism and loyalism – was similar to Spartan community during Classical period.